

СРЕДСТВА И ПРИЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ В ПОВЕСТЯХ А. АЛЕКСИНА «В ТЫЛУ КАК В ТЫЛУ» (1976) И «СИГНАЛЬЩИКИ И ГОРНИСТЫ» (1982)

Аннотация. В настоящей статье рассматривается зрелый период творчества А.Г. Алексина, когда характерный для его произведений психологизм оформляется окончательно, утверждается автором в качестве основного свойства изображенного мира. В статье проанализированы повести, посвященные осмыслению важной для А. Алексина и его поколения темы – наследие Великой Отечественной войны, ее переосмысление и нравственные уроки, извлекаемые потомками участников войны. Эта тема важна для автора в первую очередь с точки зрения формирования нравственных ориентиров у представителей нового поколения, выросших уже после трагических и героических событий 1941–1945 гг. и являющихся прямыми наследниками как героев, так и антигероев военного времени. При этом в анализируемых произведениях А. Алексин обращается к военной теме, оставляя непосредственно военные действия за скобками. Предмет его исследования – воздействие глобальных исторических событий на людей опосредованно, через время и пространство.

Обращаясь в зрелом периоде творчества непосредственно к подросткам, юношеству, А. Алексин использует определенные приемы психологизма для поиска общего языка с особенной категорией читателей. Примечателен в данном аспекте социальный резонанс повести «Сигнальщики и горнисты» (1982) – появление в стране последователей героя повести, Пети Перова. Школьники по всей стране подхватили идею А. Алексина по созданию мемориальных досок в память о погибших на фронте учениках своих школ.

Тема, к которой обращается в данных произведениях А. Алексин, не теряет своей актуальности, поскольку и сегодня в обществе продолжается осмысление нравственных уроков Великой Отечественной войны. Каждое новое поколение, становясь все дальше по времени от тех событий, тем не менее, по-своему осмысливает прошлое, и зачастую – неоднозначно, на чем и акцентирует внимание читателей А. Алексин.

Ключевые слова: Алексин; психологизм; война; «круги повествования»; диалектика души.

Сведения об авторе: Новикова Екатерина Владимировна, магистрант кафедры филологии и массовых коммуникаций Нижневартковского государственного университета.

Контактная информация: 628605, Россия, г. Нижневартовск, ул. Ханты-Мансийская, д. 21/1, кв. 65; тел.: 8(902)851-71-35; e-mail: pupa8181@mail.ru.

E.V. Novikova

MEANS AND RECEPTIONS OF PSYCHOLOGICAL IMAGE IN THE STEPS OF A. ALEKSIN «IN THE BACKLE AS IN THE BACKING» (1976) AND «SIGNALS AND MOUNTAINERS» (1982)

Abstract. This article discusses the mature period of A.G. Aleksin, when the psychologism characteristic of his works is finalized, is approved by the author as the main feature of the depicted world. The article analyzes the stories devoted to understanding the important for A. Aleksin and his generation themes – the legacy of the Great Patriotic war, its rethinking and moral lessons learned by the descendants of the war participants. This topic is important for the author primarily from the point of view of the formation of moral guidelines among the representatives of the new generation who grew up after the tragic and heroic events of 1941–1945 and being direct heirs of both heroes and antiheroes of wartime. At the same time, in the analyzed works A. Aleksin refers to the military theme, leaving military actions directly behind the brackets. The subject of his research is the impact of global historical events on people indirectly, through time and space.

Addressing in the mature period of creativity directly to adolescents, young people, A. Aleksin uses certain methods of psychologism to search for a common language with a particular category of readers. Remarkable in this aspect is the social resonance of the story “The Signalers and the Hornists” (1982) – the appearance in the country of followers

of the hero of the story, Petya Perov. Schoolchildren across the country picked up the idea of A. Aleksin to create memorial plaques in memory of the students who died at the front of their schools.

The topic addressed in these works by A. Aleksin does not lose its relevance, since today the society continues to reflect on the moral lessons of the Great Patriotic war. Each new generation, becoming farther and farther away from those events, nevertheless, in its own way comprehends the past, and often it is ambiguous, on which A. Aleksin focuses the attention of readers.

Key words: Aleksin; psychologism; war; “story circles”; dialectic of soul.

About the author: Ekaterina Novikova, graduate student of the Department of Philology and Mass Communications, Nizhnevartovsk State University.

Характерная особенность творчества Анатолия Алексина – изображение его главного героя – подростка во всем многообразии связей с большим «миром взрослых». Алексин, приветствуя саморефлексию героя и активно используя внутренний самоанализ в качестве одного из основных приемов психологического изображения, все же акцентирует внимание на том, что подросток в процессе взросления не замыкается на самом себе, он выходит за пределы уютного детского мира и должен максимально эффективно выстраивать связи и находить свое новое место в жизни, как правило – через определенную ломку, без которой (по Алексину) невозможно становление личности. Также подросток должен осмысливать накопленный до него опыт и на его основе формировать собственные взгляды.

На формирующуюся личность у Алексина в огромной степени влияет семья, как первый и главный круг общения человека, однако не преуменьшается значение и более широких социальных кругов – это старшее поколение семьи, друзья, школа, а также – соотечественники в самом широком понимании этого слова. В этом, самом широком круге – история страны, перенесенные потери и вынесенные уроки, в первую очередь – нравственные. В этой связи для автора одной из важнейших тем является Великая Отечественная Война, в первую очередь, с точки зрения влияния обретенного в годы войны колоссального коллективного опыта, наследия на формирование личности ребенка. И здесь также автор анализирует разные уровни восприятия этого опыта подрастающим ребенком. Это: ребенок – непосредственный участник событий периода ВОВ; ребенок – член семьи, которой коснулась война; ребенок, осмысливающий подвиг своих ровесников спустя годы и стремящийся им подражать, или ребенок, отрицающий этот подвиг и т.д. Война как жизнь и смерть, как история – своей семьи и своей страны, у Алексина является площадкой, на фоне которой можно выпукло показывать острые нравственные проблемы, задавать сложные вопросы и позволять подростку искать ответы на них.

Анатолий Алексин был 17-летним юношей, когда началась война, он на себе ощутил все тяготы жизни в условиях голода, холода, тяжелого труда, потери родных, боли и страха за будущее страны, поэтому он прекрасно понимает, что испытывает в таких условиях ребенок, чья психика еще не готова к подобным испытаниям. Этой теме – осмысления ребенком войны – он посвятил ряд произведений, в частности – повесть «В тылу как в тылу» (1976 г.) Главный герой вспоминает детство, проведенное в эвакуации. Тогда он вместе с другом помогал взрослым, работая курьером. Словами одного из героев автор выразил свое отношение к этому вынужденному труду: «– Что ты ликуешь? – набросился на него отец. – Вам нужно в парке культуры на каруселях кружиться. А вы воюете, голодаете... Теперь вот будете ходить по морозу. Ты думаешь, я за это? Уродства военного времени!» (Алексин 1976).

Считаем важным подчеркнуть, что именно осмысление человеком войны является предметом изображения у Алексина; война – второй план, переживания личности – первый. В повести «В тылу как в тылу» автор использует свою излюбленную форму повествования – от первого лица, что дает ему возможность сделать произведение максимально психологичным. Вся повесть – это воспоминания героя, осмысление событий сквозь призму времени с позиции взрослого человека, соответственно, здесь основным приемом психологического изображения является самоанализ. Здесь со всей четкостью мы видим, как важно для Алексина не столько событие само по себе, происходящее здесь и сейчас, а именно его влияние на

человека, размышления героя о событии, его развитие и самоопределение, причем – довольно длительное по времени.

Наиболее ярко эти тенденции отражены в повести «Сигнальщики и горнисты» (1982 г.), на анализе которой остановимся подробно. Повесть написана в 1982 г., спустя почти 40 лет после Победы СССР в Великой Отечественной войне. Для 14-летних мальчишек (именно столько главному герою повести – Пете Перову) война уже стала историей. Однако историей – очень близкой, словно определяющей жизнь семьи. Петя – не участник тех далеких событий, и в целом им в повести уделено не так уж много внимания. Точнее говоря, военных событий как таковых в повести нет вообще. Есть воспоминания об ушедших и не вернувшихся школьниках, которые жили в одном с героями доме, учились в их же школе; воспоминания о них, как о личностях, безотносительно их военных подвигов, – об их храбрости в тылу, где тоже требовался героизм, и где тоже погибали. Важно для Алексина – кто и как вспоминает то время и его героев – в данном случае старшеклассников, которые отдали свои жизни во имя победы.

Повесть традиционно для Алексина начинается с самопрезентации главного героя, в данном случае это школьник Петя Перов. Повествование ведется от первого лица (это также традиционный для Алексина прием, позволяющий читателю погружаться в переживания героя и отождествлять себя с ним), и один из первых фактов, которые Петя сообщает о себе – «военный след» в истории семьи: «Как только я стал что-либо понимать, мама рассказала, что брат ее погиб на войне. Ему было всего восемнадцать – и я вслед за мамой называл его просто Андрюшей. У нее был единственный муж. Мой отец... Он тоже воевал» (Алексин 1982).

Это – один из первых абзацев повести. Но не первый. В самом же первом предложении герой сообщает, что у него – два прозвища. Эта информация оказывается для автора даже важнее последующей – об отпечатке войны в семье, поскольку первоочередное для Алексина – человек через призму событий, а прозвища Пети именно с этим и связаны. Вообще использовать имена, прозвища как прием психологизма – характерно для Алексина. В данном случае мальчика называют Горнистом, затем Сигнальщиком. Этот прием – 2 имени как 2 ипостаси одного и того же человека – мы уж встречали не раз у писателя («Саша и Шура», «Записки Эльвиры»), здесь этот прием также не случаен и несет большую психологическую нагрузку. Сначала героя называют Горнистом, поскольку он (как и его дядя, когда-то также прозванный Горнистом) помогает людям, затем переименовывают в Сигнальщика. Суть остается той же, однако автор подчеркивает, что на новом витке истории, действуя в традициях героических предшественников, современные дети все же являются другим поколением и не просто копируют прошлое, а осмысливают его заново на своем уровне. Так, подвиг дяди Горниста – погибнуть ради других, подвиг юного Сигнальщика – спустя почти 40 лет помнить об этом и делать все, чтоб и другие не забыли о славном героическом прошлом.

Тему использования прозвищ в качестве средств психологического изображения в повести можно продолжить; с их помощью автор создает альтернативную реальность, которую можно назвать «мир Гнедковых». Своеобразный антипод героя – его одноклассник Валька Гнедков, полная противоположность Пети. Он переименовывает происходящее на свой лад, создавая некое «черное зеркало»: хорошие дела и поступки героев повести он обесценивает унижительными прозвищами. Так автор создает условные положительную и отрицательную модели отношения к жизни (их еще можно разделить на альтруистическую и потребительскую), и не просто создает, а противопоставляет, сталкивает. Мама главного героя, будучи врачом, всегда помогает соседям делом и советом, квартиру за это прозвали «бюро добрых услуг», однако это доброе наименование в изложении Вальки звучит презрительно:

«– По квартирам ходишь? – спросил он испытующе, как неопытный следователь, заглядывая мне в глаза. Гнедков-старший делал это осторожнее: доверительно и сочувственно. – “Бюро добрых услуг”? Ха-ха!

– А ты бюро каких услуг?

– Я вообще ни у кого в услужении не состою! Хочешь, чтобы тебя похвалили?» (Алексин 1982).

Согласно психологии Вальки, «бюро добрых услуг» – это не помощь, поддержка, взаимовыручка, а унижительное «услужение». Также прозвища, как прием, служат связующим звеном в хронологически разных «кругах повествования» – 40 лет назад отец Вальки – Гнедков-старший – так же обесценивал добрые поступки своих ровесников унижительными прозвищами, что вспоминает его учительница, рассказывая об этом Пете. В мире Гнедкова все перевернуто: помогал маме-уборщице – полумойка, был галантным – бабий угодник, был прямолинейным и честным – телеграфный столб. Петя проводит параллель, в очередной раз встречаясь с Гнедковым: «– Носильщик? Доставщик на дом? Опять что-то кому-то тащишь? “Бюро услуг”!»

Слово “добрых” он проглотил.

“Бабий угодник”, “полумойка”!.. – мысленно вскипел я. – Теперь вот “носильщик”... Сколько же можно?» (Алексин 1972).

Таким образом, переплетаются прошлое и настоящее. На новом временном витке повторяются не только подвиги военных Сигнальщиков и Горнистов, но и подлость Гнедковых. И так же актуально их сегодняшнее противостояние! Когда-то смелый и честный Горнист – Андрюша – отхлестал по щекам Гнедкова-старшего, сегодня пришел черед Пети выразить свой протест против мира Гнедковых, отхлестав по щекам младшего. Ключевой диалог героя и его идеологического противника, выразивший главный конфликт произведения, является показательным с точки зрения приемов психологизма. Речь героев очень быстрая, можно сказать – телеграфная, однако между этими короткими, резкими репликами автор вставляет оценку происходящего героем, что дает читателю полную психологическую картину – что чувствует каждый из участников диалога, каков их настрой, насколько Петя уверен в своей позиции и т.д. Проанализируем лишь небольшой отрывок:

«Я не торопясь положил на скамью картину и тетрадь. И по привычке отправил руки за спину. (Петя описывает свои действия, и это описание много говорит о состоянии героя в данный момент времени. Герой спокоен и уверен в себе, он готов к открытому бою, не суетится. Однако при этом и не хочет выступать зачинщиком драки, прячет руки. Причем прятать руки – это привычка. Значит, для героя в целом характерно не выступать инициатором конфликта, он не агрессор, тем ярче контраст с последующим гневом Пети).

– Ну-ка, еще скажи!

Он продолжал по инерции переминаясь. (Здесь Петя оценивает состояние противника как суетливое, а значит – неуверенное. Валька не чувствует почвы под ногами, потому что его позиция – нечестная, неверная и он сам это интуитивно понимает). Но для меня и этого было достаточно. (Петя считает, что не обязательно формулировать словами нравственную позицию, она и так понятна. Автор использует прием умолчания, суетливое и трусливое переминывание Вальки говорит больше, чем прямое называние его позиции). Бинобль полетел в сторону... (Эта вещная деталь играет в данном случае психологическую функцию. Бинобль – это возможность приблизить или отдалить происходящее, все зависит от смотрящего – хочет он видеть людей вокруг большими или маленькими, это принципиальное различие героев, и в данный момент бинобль летит в сторону, знаменуя начало открытого конфликта).

– Защищайся! – предложил я Гнедкову.

Но он умел только обвинять и судить. Мои несуразно длинные руки вырвались из-за спины, как из укрытия. (Вновь портретная деталь – руки, они действуют словно отдельно от героя, выражая в данный момент готовность драться за свои идеалы, хоть агрессия и нехарактерна для Пети).

– Вот тебе за отца-труса! А вот тебе... за тебя самого! Вот! Вот еще...

– Прости, Петя! Я не думал. Я не хотел... Прости, – бормотал Валька, подобно тому, как когда-то вымаливал пощаду у Андриюши его отец.

– Нет! Нет! И нет!.. – ошалело выкрикивал я.

Потом отряхнул руки, взял со скамьи картину, тетрадь и направился к своему подъезду.

Бинокль валялся в траве (Алексин 1982). (История имеет кольцевую композицию – после вспышки, означающей непримиримость, нетерпимость по отношению к жизненным ценностям Гнедковых, герой вновь спокоен, уверен в себе, он просто отряхивает руки и собирает свои вещи, возвращаясь в свое обычное психологическое состояние, что для читателя означает уверенность героя в своей правоте. И только валяющийся бинокль напоминает о том, какая здесь только что разыгралась драма).

Анализ этого небольшого отрывка показывает, какой широкий спектр психологических приемов использует автор – прием умолчания, вещные, портретные детали выполняют психологическую функцию. В данный момент времени герои, с одной стороны, выражают свои идеалы, свои принципиальные позиции, с другой – ведут себя не так, как всегда, т.е. выходят за пределы привычного поведения вследствие сильного эмоционального потрясения. Тем ярче автор подчеркивает, насколько неприемлема для Пети позиция Вальки, да и насколько сам Валька сомневается в правильности своих взглядов.

Интересны в психологическом плане последствия этой драки – к маме Пети за медицинской помощью (сердечный приступ) обращается отец Вальки, у которого сын потребовал объяснений. Автор использует различные средства психологического изображения, чтобы подчеркнуть состояние отца в данный момент. Обычно уверенный в себе, сейчас он совершенно растерян, испуган:

«На пороге стоял Гнедков-старший. Он стирал пальцами испарину с покато лба. Даже стекла очков пыльного цвета не могли спрятать панически остановившегося взгляда.

– Нина Васильевна... Вы дома? Это спасение! Я думаю, не дотащусь. Дикий спазм... Сердце остановилось!

– В этом случае, я полагаю, вы бы действительно не дотащились, – сказала мама.

Гнедков, еле ступая, страшась каждого своего шага, доплелся до комнаты» (Алексин 1982).

Вслух Гнедков говорит только о своем физическом состоянии, однако описание автора помогает читателю понять, что дело не только в физиологических причинах. Панически остановившийся взгляд, пыльные очки, страх сделать шаг – все это психологический портрет, который свидетельствует о человеке не просто заболевшем, а пережившем настоящее эмоциональное потрясение.

Здесь автор вновь наталкивает читателя сразу на несколько важных мыслей – насколько неразрывна связь прошлого и будущего, как давно свершившиеся поступки влияют на то, что происходит сегодня, как не имеет срока давности подлость. И вторая, не менее важная и сквозная для Алексина мысль – огромная роль семьи в жизни подростка. Давний поступок отца Гнедкова влияет на его ребенка, сын одновременно и подражает отцу, и направляет против него его же оружие, готовится отвергнуть его идеалы и это – болезненный процесс для всех участников семейной драмы. Сердечный приступ в данном случае символизирует всю глубину ответственности каждого человека за свои поступки, а то, что Гнедкову оказывает помощь презируемое им «бюро добрый услуг» – неоднозначность всех оценок и глубокие взаимосвязи между разными сторонами жизни – во всем ее великолепии и безобразии.

Некоторые читатели упрекали Алексина за слишком явное разделение позиций героев в этой повести на черное и белое. Однако, проанализировав повесть и в целом творчество писателя с точки зрения психологизма, хочется отметить – автор действительно зачастую подчеркивает такую черту подросткового мышления, как нравственный максимализм, прямолинейность, четкость позиций, видения мира без полутонов. Но по Алексину, именно появле-

ние этих полутонов и есть взросление. О том, что Алексин признает и приветствует диалектику характеров и душ, говорит и тот факт, что именно в «бюро добрых услуг» пришел Гнедков в случае беды – и ему там не отказали. После драки с Петей младший Гнедков все-таки потребовал у отца объяснений, усомнился в правильности его позиций, а значит – он готов их пересмотреть и отвергнуть. Именно эту черту Алексина отмечает в одной из своих рецензий писатель, правозащитник Лев Эммануилович Разгон: «Анатолий Алексин, как правило, воздерживается от тяжко-окончательной оценки даже тех, кому после его детального нравственного исследования можно было бы поставить диагноз: злокачественно, неизлечимо. Писатель предоставляет право ставить моральные диагнозы читателям, потом что полностью доверяет их умению не только отличать добро от зла, но и устанавливать степень виновности» (Разгон 1984).

Интересен в этом ключе и финал повести «Сигнальщики и Горнисты» – Петя узнает, что учительница, с которой у него завязались теплые отношения и с которой они вместе можно сказать, придумали и реализовали проект «Доска памяти героев-школьников», умирает от тяжелой неизлечимой болезни, сама того не зная. Эту тайну Петя узнает случайно, от врача. Автор закрывает повествование именно на этой точке, оставляя повзрослевшего Петю в момент радости и гордости от выполненного хорошего дела (мемориальная доска), но в то же время – со свалившимся на него тяжелым грузом, на пороге новых важных нравственных решений.

Стоит отметить, что после публикации этой повести сигнальщики и горнисты сошли с книжных страниц. В стране организовалось движение, подобное тимуровскому. Ребята стали узнавать историю своих воевавших земляков-школьников и увековечивать их имена на памятных досках. Таким образом, можно говорить не только о большом социальном значении творчества Алексина, но и о его действительно глубоком понимании психологии подростка, способности понять и почувствовать его, задеть важные и волнующие взрослеющего ребенка вопросы. Это удастся ему, в том числе, и благодаря использованию таких приемов психологизма, как: повествование от первого лица, психологический самоанализ, умолчание, диалектика души, придание психологической функции прозвищам, портретным, вещным деталям, создание антипода-двойника героя. Следуя традиции А. Ахматовой, которая считала, что «метрические эксперименты, варьирование размеров в пределах одного стихотворения ... должны соответствовать “психологическому содержанию поэтических строк”» (Култышева 2007: 20), Алексин реализует психологически сложное содержание своих повестей через приемы психологического изображения. Средства и приемы психологизма позволяют Алексину без нравоучений и прямых оценок расставить акценты в повести и дать читателю возможность сделать собственный нравственный выбор, погрузиться во внутренний мир героя, стать свидетелем его глубоко скрытых психологических процессов, происходящих в постоянной динамике.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексин А. 1976. В тылу как в тылу // www.lib.ru/PROZA/ALEKSIN/tyl.txt_with-big-pictures.html (2018. 2 окт.).
- Алексин А. 1982. Сигнальщики и горнисты // http://lib.ru/PROZA/ALEKSIN/signal_shchiki_i_gornisty.txt (2018. 22 окт.).
- Култышева О. М. 2007. Творчество В. Маяковского во взаимодействии с литературным процессом 1910–1920-х годов: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.
- Разгон Л. Э. 1984. Анатолий Алексин // <http://anatoly-alexin.com/aa6.htm#7> (2018. 15 окт.).